

К 75-ЛЕТИЮ ШАРЬИ

Конкурс «Родная улица моя»

Вдоль по Советской



В.П. Кладков.

Эх, дороги...

Улица Советская - хорошая, дружная и очень большая. В 30-е годы дома в ней шли не сплошь, а группировались какими-то участками. Один - от «Керосинки» до нынешней «Северянки», потом от Березовки до поворота, за которым начиналось Козлово. Жители вместе отмечали праздники, решали какие-то проблемы. Не помню ни драк серьезных, ни ссор, ни происшествий. Разве что в заведениях, которые так и именовались - мордобойками. Их было два: буфет-закусочная с высоким крыльцом, какого не водилось больше ни в одном доме, а здесь как специально возвели, чтобы обеспечить подвыпившим мужикам головокружительные «полеты», и пивная в Козлово.

Самой характерной особенностью нашего участка была абсолютно непроходимая дорога. Ее пытались укрепить всячески: торцовкой, то есть деревянными шашками, засыпанными песком. Всякий раз это сооружение бесследно исчезало в болоте, каким,

порядком на улице строго следили квартальные: чтоб канавы были вычищены, дрова убраны и т.д. Много лет эту функцию исполняла требовательная и строгая Валентина Васильевна Корчагина. Всякие семейные ссоры и уличные неурядицы разбирали здешний товарищеский суд. Его не один десяток лет возглавлял мой отец, Павел Васильевич Кладков. Это была должность общественная, каких у него, помимо прямых обязанностей, было немало. Он был депутатом, заместителем председателя горсовета, потом - завгоркомхоза. В конце 30-х возглавлял дорожный отдел, в войну - промкомбинат, а потом был директором рыбколхоза.

В партию вступил только в 38-м году, со второго раза. В первый раз перед вручением партбилета перекрестился на виду у всей комиссии.

«Это еще что такое!?» - «А меня, - говорит, - мама всегда учила: креститься перед всяким благом делом». Мамина наука комиссию не впечатлила, и в тот раз остался он беспартийным. А в 67 году, в честь 50-летия революции, вручили ему боевую медаль «За отвагу», поскольку в гражданскую войну он воевал в Туркестане под командованием Фрунзе.

В доме нашем, №40, выросли мы все: старшая сестра, Анна, участница Великой Отечественной, впоследствии - технолог молочной промышленности, Раиса, врач, вместе с мужем работавшая на Байконуре. Отсюда призвали меня в 43-м в армию. Сюда я вернулся после долгой военной службы в первых ракетных частях, и здесь выросли мои дети: Николай, инженер-механик на кораблях

Труды и ремесла

На Советской жили в основном железнодорожники. Причем немало династий - Сабуровы, Белугины, Вшивцевы, Быстровы. Наверное, с самого основания железной дороги работал кондуктором отец Валентины Васильевны Корчагиной. Отец Николая Владимировича Гольянова тоже работал на дороге. И были два серьезных специалиста: машинисты-приемщики НКПС (Наркомата путей сообщения), которые не состояли в подчинении начальнику депо, и только их проверка обеспечивала выход в рейс паровозов. Это Валентин Федорович Поляков и дядя Петя Колосов. Наш путь в школу лежал мимо дома Поляковых, и Валентин Федорович, стоя у калитки, строго допрашивал каждого: «Ты как учишься? Какие у тебя оценки?» Его-то дочка, будущая Вера

артели от Кривячки до Одоевского. Мужики приезжали сдавать улов и взять сетей и других приспособлений. Гуляли. Техничка Настя из Пустошки знала огромное количество частушек. Как-то поспорили они с гармонистом Васей - «кто кого». Итог: он уже играть не может, руки онемели, а она все поет и поет!

В войну

Начало войны помню хорошо, как разбудила меня мама поздним воскресным утром: «Вовка, просыпайся, сейчас будет важное сообщение по радио!» А через какое-то время, через несколько дней, я был в лесу и вдруг услышал какой-то странный шум. По дороге в Шарью ехал обоз с мужиками, которых призывали на фронт. Мужики сидели на телегах, а рядом шли женщины и голосили, плакали что есть мочи.

При депо открылось железнодорожное училище для подростков, куда мы с друзьями и определились. Ходили по нашей непролазной грязи, через линию, подлезая под несколькими составами, перекидного-то моста не было. Один из нас, Жека Федотов, от плохого питания страдал куриной слепотой, его мы домой в сумерки вели за руку. Вообще же большим подспорьем для многих семей были коровы: на улице было даже не одно, а два стада. Те, кто по каким-то причинам скот держать не мог, конечно, бедствовали. Спасали только огромные, по двадцать пять соток, огороды. Помню первый эксперимент в семье Корчагиных: вспашка грядки на корове. Не слишком красиво получалось, но ничего, лепо пошло. Ну, и грибы-ягоды,



Председатель Шарьинского горисполкома А.И. Ногин, заместитель П.В. Кладков, секретарь Ф.С. Сычев. 30-е годы.

Шарьинская
КОММУНАО чем
писала
газетаО недалеком
прошлом

33 года тому назад Шарья не была еще станцией. Здесь властвовали бездорожье, кругом были непроходимые леса, болота и зыбкие топи.

Сотни людей вели наступление на лес, прорубая просеку для новой железнодорожной магистрали. С треском и шумом падали на землю срубленные деревья. Вскоре лесной массив разрастался гладкий и широкий просек. Пришли землекопцы. Они выкорчевывали пни столетних деревьев, рыли ямы, срезали дери и возводили насыпь.

С каждым днем все длиннее и длиннее становился просек. Ровное, утрамбованное полотно железной дороги извлеклось блестящей лентой, уходя в даль. А по бокам его стояли пахнущие свежей смолой телеграфные столбы.

Красивый пейзаж новой железнодорожной магистрали очень плохо гармонировал с бытом строителей-землекопов, плотников и шпалотесов. Чтобы заработать 50—60 копеек в день, им приходилось унижаться, лезть с поклоном к мастеру, инженеру и на просьбу о принятии на работу слышать холодный ответ:

— Нет для нас работы!

Капиталист, эксплоататор-подрядчик умышленно не принимал рабочих, чтобы заставить продать их свой труд подешевле. Однако, нужно было жить и рабочие соглашались на кабальные

Самой характерной особенностью нашего участка была абсолютно непроходимая дорога. Ее пытались укрепить всячески: торцовкой, то есть деревянными шашками, засыпанными песком. Всякий раз это сооружение бесследно исчезало в болоте, каким, по сути, и был этот отрезок - обширный, вплоть до железной дороги, а к центральному проезду и вовсе переходящий в жидкую трясику. Потом в дело пошел булыжник - им до 60-х годов не раз мостили дорогу, тоже без особого успеха. И только асфальт, видно, основательно положенный, как-то ее скрепил.

Жаль, затерялась у меня фотография 30-х годов, где запечатлена была неописуемой красоты новенькая «Эмка» и рядом - под стать ей, красивая девушка-водитель в кожаном шлеме, Валентина Сафонова. Она пригнала первый такой автомобиль с Горьковского завода в Шарью. Это было событие! Сотни жителей в погожий летний день пришли в Козлово, в конец улицы Советской. Гремел оркестр, выступал на митинге тогдашний председатель горисполкома Андрей Иванович Ногин. Машину до горкомовского гаража, который располагался во дворе частного дома, у самого рынка, шумной ватагой сопровождала детвора.

«Общество»

Жители любили отмечать праздники - «Октябрьскую» и Первомай, других-то и не было, религиозные не больно приветствовались, мягко говоря. Но, видно, от деревенских корней шла такая традиция - ходить по домам наряженками. Шустрые, бойкие старухи развлекали народ. Особенно, помню, преуспела в этом деле тетка Акинья Жадова, веселая, добрая - как и муж ее, дядя Трофим, редкой душевности человек, который только и мечтал, чем бы кому помочь. Два сына их погибли в войну.

Летними ночами обязательно выходили на дежурство со «стукалками», опасались пожаров. За

ленности, Раиса, врач, вместе с мужем работавшая на Байконуре. Отсюда призвали меня в 43-м в армию. Сюда я вернулся после долгой военной службы в первых ракетных частях, и здесь выросли мои дети: Николай, инженер-механик на кораблях дальнего плавания, и Тамара, фармацевт. Не одно поколение ребятшек с нашей и окрестных улиц ходило в детский сад, «под крыло» Марии Николаевны Белугиной.

Что еще хочу отметить: до войны и даже после было немало нищих и юродивых, и люди относились к ним очень душевно. У нас на яблоне висела кружка, из которой мама всегда поила молоком одного из них, его все звали Коля Беба. Второй, который просил исключительно сахар, носил прозвище «Кусачки».

Да, надо сказать, что домохозяйки регулярно собирали на поли-



На политинформации. 1939 г.

тинформации - вот один такой момент и отражен на этой фотографии 1939 года. Женщины с нашей улицы на фоне карты мира.

Перед войной практически всех подростков настигла «шахматная эпидемия»: позабыв проказы, ходили с шахматными досками из дома в дом. Ну, и мы, пацаны, за ними, в качестве болельщиков. Зимой же привычное дело - лыжи и бег на коньках по замерзшей Шарынке.



Валентиновна Долгих, ясное дело, училась на отлично. Жена, Мария Николаевна, была председателем райпотребсоюза. Возили ее по рабочим надобностям на хорошей серой лошади. Родственник их, по фамилии вроде Красноголов, был вообще родоначальником не самой ли старой железнодорожной династии.

Жили на нашей улице сапожники и два портных. Один, Яша Смирнов, шил хорошо, но любил выпить и вечно у него были заморочки с заказчиками. Принесут ему отрез на пальто. Следом придет кто-то с просьбой сшить, например, фуражку. «Нет у меня ткани», - отмахнется он. Глянет на отрез: «А, ладно!» Потом клиенты разбираются: «Почему это у тебя фуражка из моего материала?»

В начале улицы располагалась «Керосинка» - наверное, един-

ственное специализированное заведение, где торговали керосином. Его, правда, развозили по городу еще в бочке на лошади. Потом здесь долгое время был хозяйственный магазин с накрепко приставшим к нему названием, хотя никакого керосина уже и в помине не было. Ближе к дороге, на сваях, у Шарынки стояла контора лесхоза. Этот ряд продолжали пекарня и маслосырзавод. А по эту сторону от «Керосинки» располагалась контора рыбколхоза, которая объединяла все рыбацкие

коровы, на улице было даже не одно, а два стада. Те, кто по каким-то причинам скот держать не мог, конечно, бедствовали. Спасали только огромные, по двадцать пять соток, огороды. Помню первый эксперимент в семье Корчагиных: вспашка грядки на корове. Не слишком красиво получалось, но ничего, дело пошло. Ну, и грибы-ягоды, конечно, это уж обязательно. Тем более лес - во все стороны. Еще в тридцатые годы в районе старого военкомата и дальше сосны стояли.

Было принято у нас поддерживать деревенскую родню. Из голодной деревни присылали ребятшек, определялись они куда-то в ученье, и какое-то время жили и эвакуированные из Ленинграда, и в нашем тоже - женщина с худеньким болезненным мальчиком. Многие дружили со своими квартирантами и много лет спустя после войны.

Мы с моим другом, Костей, младшим из трех братьев Кузнецовых, пошли на курсы снайперов и лыжников при военном училище, переведенном в Шарью из Ленинграда. Вернее, он успел попасть в группу снайперов, а я опоздал и попал только в лыжники. Потом я долго разыскивал его следы и в конце концов узнал, что он погиб, так же, как и оба его брата.

Много можно еще рассказать о нашей улице. Прошлое стоит перед глазами так ясно, хотя вот-вот исполнится мне восемьдесят восемь. Но напоследок вспомню такой эпизод. Неподдалеку от «Северянки» жил художник, дядя Коля Лапшин. Он после первых выборов в Верховный Совет СССР, в декабре 1937 года, написал портрет депутата по нашему округу, Ольги Федоровны Скурихиной, колхозницы из Матвеевского. И прибил его на фронтоне своего дома, под самой крышей. Долго смотрела с портрета депутат на всех проходящих мимо. Уже и другие выборы прошли, и война кончилась... Доски дома от солнца выгорели, а место, где висела картина, и до сих пор заметно. Вот какие стойкие были в то время депутаты, и какие преданные - их избиратели.

В. КЛАДКОВ,
участник Великой Отечественной войны.

...хотелось унижаться, идти с поклоном к мастеру, инженеру и на просьбу о принятии на работу слышать холодный ответ:

— Нет для нас работы!

Капиталист, эксплуататор-подрядчик умышленно не принимал рабочих, чтобы заставить продать их свой труд подешевле. Однако, нужно было жить и рабочие соглашались на кабальные условия. От утренней зари до вечерних сумерок, по пояс в снегу, выжили они деревья. Поздно вечером приходили лесорубы в бараки, наскоро съедали незавидный ужин и, тяжело дыша, засыпали на голых нарах.

На лесной вырубке, среди лесов и топей, медленно рос поселок Шарья. Убогие учючки, снежнопрозрачной грязью отпугивали прохожих.

— Теперь Шарью и узнать нельзя, — радостно говорят старожилы, — прекрасные школы, детские сады, клубы, больницы, множество магазинов и различных учреждений, замечательные двухэтажные жилые дома — все это построено за годы советской власти, и этим надо гордиться! Действительно, Шарья стала сейчас неузнаваемой. Она стала районным культурным центром и по праву вошла в семью замечательных советских городов.

А. Федулов.

(«ШК», №273 от 2.12.1938 г.)

В день выборов в Верховный Совет РСФСР 26 июня 1938 года



Фото Н. В. Губовой.

На снимке: в 3-м избирательном участке поселка Шарья Шарынского избирательного округа, где баллотировался С. И. Иванов, депутат Верховного Совета СССР О. Ф. Скурихина отлучилась из избирательного участка на избирательную работу.

(«ШК», №161 от 17.07.1938 г.)